

АНАТОЛИЙ
АЛЕКСИН

В СТРАНЕ
ВЕЧНЫХ
КАНИКУЛ

САША
И ШУРА

Рисунки Бориса Винокурова

#эксмодетство
Москва
2016

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А48

Алексин, Анатолий Георгиевич.
А48 В Стране Вечных Каникул ; Саша и Шура / А. Г. Алексин ; рис. Бориса Винокурова. — Москва : Эксмо, 2016. — 320 с.: ил. — (Золотое наследие).

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-89029-3

© А. Г. Алексин, 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

В СТРАНЕ ВЕЧНЫХ КАНИКУЛ

*Л. Лагину,
автору знаменитого «Старика Хоттабыча»,
посвящаю эту повесть-сказку*

ПОКА ЕЩЁ НЕ НАЧАЛАСЬ СКАЗКА...

Эту дорогу я знаю наизусть, как любимое стихотворение, которое никогда не заучивал, но которое само запомнилось на всю жизнь. Я мог бы идти по ней зажмурившись, если бы по тротуарам не спешили пешеходы, а по мостовой не мчались автомашины и троллейбусы.

Иногда по утрам я выхожу из дому вместе с ребятами, которые в ранние часы бегут той самой дорогой. Мне кажется, что вот-вот сейчас из окна высунется мама и крикнет мне вдогонку с четвёртого этажа: «Ты забыл на столе свой завтрак!» Но теперь я уже редко что-нибудь забываю, а если бы и забыл, не очень-то прилично было бы догонять меня криком с четвёртого этажа: ведь я уже давно не школьник.

Помню, однажды мы с моим лучшим другом Валериком сосчитали зачем-то количество шагов от дома до шко-

лы. Теперь я делаю меньше шагов: ноги у меня стали длиннее. Но путь продолжается дольше, потому что я уже не могу, как раньше, мчаться сломя голову. С возрастом люди вообще чуть-чуть замедляют шаги, и чем человек старше, тем меньше ему хочется торопиться.

Я уже сказал, что часто по утрам иду вместе с ребятами дорогой моего детства. Я заглядываю в лица мальчишкам и девчонкам. Они удивляются: «Вы кого-нибудь потеряли?» А я и в самом деле потерял то, что уже невозможно найти, отыскать, но и забыть тоже невозможно: свои школьные годы.

Впрочем, нет... Они не стали только воспоминанием — они живут во мне. Хотите, они заговорят? И расскажут вам много разных историй?.. Или лучше одну историю, но такую, какая, я уверен, не случалась ни с кем из вас никогда!

САМЫЙ НЕОБЫЧАЙНЫЙ ПРИЗ

В ту далёкую пору, о которой пойдёт речь, я очень любил... отдыхать. И хотя к двенадцати годам я вряд ли успел от чего-нибудь слишком уж сильно устать, но я мечтал, чтобы в календаре всё поменялось: пусть в дни, которые сверкают красной краской (этих дней в календаре так немного!), все ходят в школу, а в дни, которые отмечены обыкновенной чёрной краской, развлекаются и отдыхают. И тогда можно будет с полным основанием сказать, мечтал я, что посещение школьных занятий — это для нас настоящий праздник.

На уроках я до того часто надоедал Мишке-будильнику (отец подарил ему огромные старые часы, которые тяжело было носить на руке), что Мишка сказал однажды:

— Не спрашивай меня больше, сколько осталось до звонка: каждые пятнадцать минут я буду чихать.

Все в классе решили, что у Мишки «хроническая простуда», а учительница даже принесла ему какой-то рецепт. Тогда он перестал чихать и перешёл на кашель: от кашля ребята всё же не так сильно вздрагивали.

За долгие месяцы летних каникул многие просто уставали отдыхать, но я не уставал. С первого сентября я уже начинал подсчитывать, сколько дней осталось до зимних каникул. Эти каникулы нравились мне больше других: они хоть и были короче летних, но зато приносили с собой ёлочные праздники, Дедов Морозов, Снегурочек и нарядные подарочные пакеты. А в пакетах были столь любимые мною в ту пору пастила, шоколад и пряники. Если б мне разрешили есть их три раза в день, вместо завтрака, обеда и ужина, я согласился бы сразу, не задумываясь ни на одну минуту!

Задолго до праздника я составлял точный список всех наших родственников и знакомых, которые могли достать билеты на Ёлку. Дней за десять до первого января я начинал звонить.

— С Новым годом! С новым счастьем! — говорил я двадцатого декабря.

— Уж очень ты рано поздравляешь, — удивлялись взрослые.

Но я-то знал, когда надо поздравлять: ведь билеты на Ёлку везде распределялись заранее.

— Ну а как ты заканчиваешь вторую четверть? — неизменно интересовались родные и знакомые.

— Неудобно как-то говорить о самом себе... — повторял я фразу, услышанную однажды от папы.

Из этой фразы взрослые почему-то немедленно делали вывод, что я — круглый отличник, и завершали нашу беседу словами:

— Надо бы тебе достать билет на Ёлку! Как говорится, кончил дело — гуляй смело!

Это было как раз то, что нужно: гулять я очень любил! Но вообще-то мне хотелось немного изменить эту из-

вестную русскую поговорку — отбросить два первых слова и оставить только два последних: «Гуляй смело!»

Ребята в нашем классе мечтали о разном: строить самолёты (которые тогда чаще называли аэропланами), водить по морям корабли, быть шофёрами, пожарниками или вагоновожатыми... И только я один мечтал стать массовиком. Мне казалось, что нет ничего приятней этой профессии: с утра до вечера веселиться самому и веселить других! Правда, все ребята открыто говорили о своих мечтах и даже писали о них в сочинениях по литературе, а я о своём заветном желании почему-то умалчивал. Когда же меня в упор спрашивали: «Кем ты хочешь стать в будущем?» — я каждый раз отвечал по-разному: то лётчиком, то геологом, то врачом. Но на самом деле я всё-таки мечтал стать массовиком!

Мама и папа очень много размышляли о том, как меня правильно воспитывать. Я любил слушать их споры на эту тему. Мама считала, что «главное — это книги и школа», а папа неизменно напоминал, что именно физический труд сделал из обезьяны человека и что поэтому я прежде всего должен помогать взрослым дома, во дворе, на улице, на бульваре и вообще всюду и везде. Я с ужасом думал, что, если когда-нибудь мои родители наконец договорятся между собой, я пропал: тогда мне придётся учиться только на пятёрки, с утра до вечера читать книги, мыть посуду, натирать полы, бегать по магазинам и помогать всем, кто старше меня, таскать по улице сумки. А в то время почти все в мире были старше меня...

Итак, мама и папа спорили, а я не подчинялся кому-нибудь одному из них, чтобы не обидеть другого, и делал всё так, как хотел сам.

Накануне зимних каникул споры о моём воспитании разгорались особенно жарко. Мама утверждала, что масштабы моего веселья должны находиться в «прямой пропорциональной зависимости от отметок в дневнике», а

папа говорил, что веселье должно быть в такой же точно зависимости от моих «трудовых успехов». Так и не выяснив отношений, оба они приносили мне по билету на Ёлку.

Вот с одного такого праздника всё и началось...

Я хорошо запомнил тот день — последний день зимних каникул. Мои друзья уже просто рвались в школу, а я не рвался... И хотя из Ёлок, на которых я побывал, вполне можно было бы образовать небольшой хвойный лесок, я пошёл на очередной утренник — в Дом культуры медицинских работников. Медицинским работником была сестра мужа маминой сестры; и хотя ни раньше, ни сейчас я бы не мог точно сказать, кем она мне приходится, билет на медицинскую Ёлку я получил.

Войдя в вестибюль, я поднял голову и увидел плакат:

**ПРИВЕТ УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ
ПО ПРОБЛЕМАМ БОРЬБЫ ЗА ДОЛГОЛЕТИЕ!**

А в фойе висели диаграммы, показывающие «рост снижения смертности в нашей стране». Диаграммы были весело обрамлены разноцветными лампочками, флажками и мохнатыми хвойными гирляндами.

Меня тогда, помнится, очень удивило, что кого-то серьёзно занимают «проблемы борьбы за долголетие»; я не представлял себе, что моя жизнь может когда-нибудь кончиться. А мой возраст приносил мне огорчения только тем, что был слишком мал. Если незнакомые люди интересовались, сколько мне лет, я говорил, что тринадцать, потихоньку накидывая годик. Сейчас я уже ничего не прибавляю и не убавляю. А «проблемы борьбы за долголетие» не кажутся мне уж столь непонятными и ненужными, как тогда, много лет назад, на детском утреннике...

Среди диаграмм, на фанерных щитах, были написаны разные советы, необходимые людям, которые хотят подольше прожить. Я запомнил лишь совет о том, что надо, оказывается, поменьше сидеть на одном месте и побольше двигаться. Я запомнил его для того, чтобы пересказать своим родителям, которые то и дело повторяли: «Хватит тебе носиться по двору! Хоть бы посидел немножко на одном месте!» А сидеть-то, оказывается, как раз и не нужно! Потом я прочитал лозунг: «Жизнь есть движение!» — и помчался в большой зал, чтобы принять участие в велосипедных гонках. В тот миг я, конечно, не мог предположить, что это спортивное соревнование сыграет совершенно неожиданную роль в моей жизни.

Нужно было сделать три стремительных круга на двухколёсном велосипеде по краю зрительного зала, из которого были убраны все стулья. И хотя старики редко бывают спортивными судьями, но тут судьёй был Дед Мороз. Он стоял, словно на стадионе, с секундомером в руке и засекал время каждого гонщика. Точней сказать, он держал секундомер в нарядных серебристо-белых рукавицах. И весь был нарядный, торжественный: в тяжёлой красной шубе, прошитой золотыми и серебряными нитками, в высокой красной шапке с белоснежным верхом и с бородой, как полагается, до самого пояса.

Обычно везде, и даже на праздничных утренниках, у каждого из моих друзей было какое-то своё особое увлечение: один любил съезжать вниз с деревянной горки — и делал это столько раз подряд, что за несколько часов успевал протереть штаны; другой не вылезал из кинозала, а третий стрелял в тире до тех пор, пока ему не напомнили, что и другие тоже хотят пострелять. Я успевал испытать все удовольствия, на которые давал право приглашенный билет: и скатиться с горки, и промахнуться в тире, и выловить металлическую рыбку из аквариума, и покружиться на карусели, и разучить песню, которую все уже давно знали наизусть.

Поэтому на велосипедные гонки я явился немного утомлённым — не в лучшей форме, как говорят спортсмены.

Но когда я услышал, как Дед Мороз громко провозгласил: «Победитель получит самый необычайный приз за всю историю новогодних Ёлок!» — силы ко мне вернулись и я почувствовал себя абсолютно готовым к борьбе.

До меня по залу пронеслись девять юных гонщиков, и время каждого было громогласно, на весь зал, объявлено Дедом Морозом.

— Десятый — и последний! — объявил Дед Мороз. Его помощник, массовик дядя Гоша, подкатил ко мне облезлый двухколёсный велосипед. До сих пор я помню всё: и что верхняя крышечка звонка была оторвана, и что на раме облупилась зелёная краска, и что в переднем колесе не хватало спиц.

— Старый, но боевой конь! — сказал дядя Гоша.

Дед Мороз выстрелил из самого настоящего стартового пистолета — и я нажал на педали...

Катался я на велосипеде не очень хорошо, но в моих ушах всё время звучали слова Деда Мороза: «Самый необычайный приз за всю историю новогодних Ёлок!»

Эти слова подгоняли меня: ведь, пожалуй, никто из участников этого соревнования не любил получать подарки и призы так сильно, как любил я! И к «самому необычайному призу» я примчался быстрее всех остальных. Дед Мороз взял мою руку, которая утонула в его рукавице, и высоко поднял её, как поднимают руки победителей боксерских соревнований.

— Объявляю победителя! — произнёс он так громко, что услышали все дети медицинских работников во всех залах Дома культуры.

Сразу же рядом появился массовик дядя Гоша и своим вечно радостным голосом воскликнул:

— Давайте поприветствуем, ребята! Давайте поприветствуем нашего рекордсмена!

Он захлопал, как всегда, так настоятельно, что сразу же потянул за собой аплодисменты со всех концов зала. Дед Мороз взмахнул рукой и установил тишину:

— Я не только объявляю победителя, но и награждаю его!

— Чем?.. — нетерпеливо поинтересовался я.

— О, ты даже представить себе не можешь!

В голосе Деда Мороза мне почудилось что-то странное: он говорил как волшебник, уверенный, что может сделать необычайное, сотворить чудо — и поразить всех! И я не ошибся.

— В сказках чародеи и волшебники просят обычно задумать три заветных желания, — продолжал Дед Мороз. — Но мне кажется, что это слишком много. Ты же установил велосипедный рекорд только один раз, и я выполняю одно твоё желание! Но зато — любое!.. Подумай хорошенько, не торопись.

Я понял, что такой случай представляется мне первый и последний раз в жизни. Я мог попросить, чтобы мой лучший друг Валерик остался моим лучшим другом навсегда, на всю мою жизнь! Я мог попросить, чтобы контрольные работы и домашние задания учителей выполнялись сами собой, без всякого моего участия. Я мог попросить, чтобы папа не заставлял меня бегать за хлебом и мыть посуду! Я мог попросить, чтобы вообще эта посуда мылась сама собой или никогда не пачкалась. Я мог попросить...

Одним словом, я мог попросить всё, что угодно. И если бы я знал, как в дальнейшем сложится моя жизнь и жизнь моих друзей, я бы, наверно, попросил о чем-нибудь очень важном для себя и для них. Но в тот момент я не мог заглянуть вперёд, сквозь годы, а мог только поднять голову — и увидеть то, что было вокруг: сияющую ёлку, сияющие игрушки и вечно сияющее лицо массовика дяди Гоши.

— Чего же ты хочешь? — нетерпеливо спросил Дед Мороз.

И я ответил:

— Пусть всегда будет Ёлка! И пусть никогда не кончатся эти каникулы!..

— Ты хочешь, чтобы всегда было так же, как сегодня? Как на этой Ёлке? И чтобы никогда не кончались каникулы?

— Да. И чтобы все меня развлекали...

Последняя моя фраза звучала не очень хорошо, но я подумал: «Если он сделает так, чтобы все меня развлекали, тогда, значит, и мама, и папа, и даже учителя должны будут доставлять мне одни только удовольствия. Не говоря уже обо всех остальных...»